

УДК 94(47).07:329.11

В. С. Ившин

КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ДИАЛОГ: А. С. ШИШКОВ И ЕВРОПА

В статье рассматриваются основные формы социокультурного диалога одного из отцов-основателей русского консерватизма – А. С. Шишкова – с Европой. На основании переводческой деятельности адмирала делается вывод об адаптации ряда идей, появившихся в результате культурного трансфера, происшедшего в процессе модернизации Российской империи. На этом же основании переосмысливаются устоявшиеся ярлыки антизападника и ксенофоба.

Ключевые слова: А. С. Шишков, консерватизм, модернизация, перевод, реакция, культурно-цивилизационный диалог, трансфер, Россия и Европа.

Диалог культур всегда вызывает особый научно-исследовательский интерес, отсюда его актуализация в большинстве современных историко-софских концепций. Все они предполагают универсальное взаимодействие двух социокультурных субъектов, принимающее различные формы и содержание контактов, в ходе которых происходит трансфер тех или иных поведенческих моделей, технологий, идей и т. д. Диалог культур может проходить как напрямую – через дипломатические поездки, путешествия, войны, так и опосредованно, к примеру, через тексты и их бытование в определенном социокультурном локусе.

Перевод является не только одной из форм опосредованного диалога культур, но и естественным посредником между процессом адаптации (созданием собственных текстов) и состоявшимся интеллектуальным трансфером [см.: Бугров, Киселев, с. 8]. Процесс адаптации текста – не просто замена одного языка другим, но и сложный процесс трансформации личностных, общественных и государственных ценностей. Однако

целостное представление о совершившемся трансфере, отразившемся в публичной, частной жизни, получается лишь из контекстуального рассмотрения самостоятельного и привнесенного наследия. Причем трансфер не может являться одномоментным – это длительный процесс адаптации и усвоения [см.: Бугров, Киселев, с. 8–9].

Александр Семенович Шишков – видный представитель российской интеллектуальной элиты конца XVIII – первой четверти XIX в. Он известен как один из ведущих акторов российской консервативной мысли, неустанный патриот и антизападник. Особый интерес вызывает вопрос о том, как один из отцов-основателей русского консерватизма, антизападник выстраивал свой диалог с Европой. Большую часть жизни адмирал А. С. Шишков посвятил филологии и лингвистике. Эти науки стали инструментами опосредованного диалога с европейскими культурами. Будучи участником военных действий и моряком, он впитал также военно-морские идеи космополитизма, совершив ряд европейских путешествий, что уже является прямым диалогом, отнюдь не характерным для консерватора увлечением [см.: Егерева, с. 77–78].

Переводы Шишкова частично рассматривались в контексте историко-филологических трудов. Так, М. Г. Альтшуллер анализировал одно из самых ранних программных «переводческих» произведений Шишкова «Песня. Старое и новое время» (1784). Однако сами факты авторства и существования французского оригинала подвергаются сомнению, возможно, их никогда не было. В произведении формируется бинарная оппозиция «старое – новое» или «прошлое – настоящее», противопоставление идеального прошлого испорченному настоящему [см.: Альтшуллер, с. 28–29].

Произведение контрастирует с основной тенденцией литературы эпохи Екатерины II, определявшей прошлое как хранилище отсталости и неразвитости [см.: Полежаева, 2016, с. 86]. Шишков же наделяет «старое время» положительными чертами, а «настоящее» – отрицательными, но сохраняет основной посыл сочинения: просвещение и перевоспитание современного общества, указывая на его недостатки. Произведение укладывается в матрицу «просвещенческого» духа «Собеседника любителей русского слова», целью которого было нравоучение и искоренение современных пороков общества, что характерно для литературной мысли второй половины XVIII в., и входит в достаточно обширный пласт подобных сочинений [см.: Берков, с. 21–22].

Е. Е. Земскова исследовала вопросы рецепции немецкой филантропической педагогики и романтизма через перевод Шишковым «Детской

библиотеки» И.-Г. Кампе [см.: Детская...]. Оба преследовали цель создания общенационального литературного языка, но Кампе стремился довести культурный уровень до французского, Шишков – ограничить французское влияние. За понятием языка у немецких пуристов и Шишкова стояло понятие нравственного образования и национального воспитания [см.: Земскова, 2000, с. 28]. Несмотря на идейное сходство с романтическими концепциями нации, они не были ориентированы на близкие романтикам источники: фольклор, реальное употребление в народной среде [см.: Там же, с. 29].

Однако еще в 70-е гг. XIX в. Н. Н. Булич отмечал, что Шишков одним из первых обратился к фольклору как к одному из самобытных источников обогащения языка [см.: Булич, с. 232], что успешно использовал его в ходе языковой полемики между «карамзинистами» и «шишковистами». Шишков сформировал концепт противопоставления «испорченного» просвещением российского дворянства носителю самобытной культуры – народу [см.: Полежаева, 2013, с. 97]. Он использовал фольклор для обоснования своей языковой доктрины, что сближает его с писателями-романтиками и романтизмом вообще.

Шишков адаптировал сочинение Кампе под российскую действительность, приблизив его к разговорному стилю и народной стихии, заменив немецкие имена русскими, вставив картины местного пейзажа и колорита (образ зимы и мороза) с частым использованием фольклорных оборотов, уменьшительно-ласкательных суффиксов, что показывает его обращение к народной культуре [см.: Полежаева, 2014, с. 116–117]. Произведения, вошедшие в «Детскую библиотеку», описывают быт и природу в сочетании с назидательными идеями и морально-религиозной добродетелью [см.: Там же, с. 117].

Обращение к идеализированному образу народа нашло отражение в его переводах С. Геснера, Т. Тассо и Д.-Б. Гварини. Их связывает единое литературное конструирование пасторальных идиллий, поэтизирующих простую сельскую жизнь и присущую ей самобытность. Классицистические идиллии были предтечей сентиментализма как литературного направления, выделившись в один из самостоятельных жанров. Их тематическое и стилистическое влияние сказалось на развитии ведущего жанра прозы конца XVIII в. – сентиментальной повести. Шишков знакомится с произведениями Тассо и Гварини в период годичного пребывания в Италии, изучая итальянский язык и литературу во время «путешествия» из Кронштадта в Константинополь в 1777–1779 гг.

С. Геснер олицетворял для своих современников дух нового течения в литературе – сентиментализма – течения, которое впоследствии будет интерпретироваться Шишковым как одна из форм галломании русского просвещенного дворянства. Русский сентиментализм стал одним из результатов западного культурного трансфера, окончательно оформившись в конце XVIII в. в трудах Н. М. Карамзина – идейного антагониста адмирала Шишкова в «языковом» споре.

Переводы итальянских и немецких классиков в 1775 г. являются наиболее ранним опосредованным диалогом Шишкова. Он переводит несколько отрывков из двух пасторалей «Верный пастух» Тассо и Гварини, воспевающих жизнь крестьян-пастухов: «В счастливой простоте, живущая пастушка, хоть чуть лишь в полотно, без лишнего убранства, но чисто и легко, с опрятностью одета, сама собой красна, богата, и в бедности своей, ни бедности не знает, ни от богатств забот...» [Перевод..., 1831, с. 211–212] – очевидное противопоставление идеализированного образа крестьянства праздности высших слоев.

Творчество Геснера открыло культ «геснеризма» в истории русской литературы в 1780–1790-е гг. Шишков, следуя литературному тренду, переводит геснеровского «Дафниса» и пасторальную комедию «Евандр и Алцимна». С точки зрения истории русского «геснеризма», произведением можно было и не уделять особого внимания, не будь они одними из первых переводческих трудов Шишкова.

Геснеровский «Дафнис» более сложен во всех смыслах, но в основе его – все та же неразделенная любовь крестьян-пастухов Дафниса и Филисы, «одомашненная» в русле сентиментализма. Утверждается постоянство естественных человеческих слабостей: естественного чувства любви, счастья простой жизни, слияние человека с природой, богатый эмоциональный спектр, переплетенный с сентиментальным психологизмом, заставляющим сочувствовать героям: «Тогда увидел он [Дафнис] Филису, тяжкий вздох из груди его вырвался, краска выступила на лице, и глаза его неподвижно на нее устремились... Сердце его заняло, он смотрел на нее с горячностью, исполнен страха, чтобы не упустить ее во многолюдстве из глаз...» [Дафнис, с. 154].

Также показателен перевод сентиментальной комедии-пасторали «Евандр и Алцимна», возвышающий нетронутую простоту и чистоту сельских нравов, традиционно противопоставленных развращенному, суетливому городу: «Они [горожане] смеются над нами, простосердечными, однако мы не меньше их благополучны; они столько заботятся, чтоб быть счастливыми, а мы нет; мы довольны тем, что имеем; мы возделываем

свои поля и стережем наши стада, которые награждают нас за то с избытком; они, правда, избыток наш называют бедностью, но они чудные люди» [Евандр и Алцимна, с. 271–272]. В основе произведения лежит все тот же универсальный для сентиментализма конфликт, основанный на взаимной любви героев – представителей разных сословий, идеологически восходящий к сословному неравенству общества.

В раннем самостоятельном творчестве адмирала также встречаются отпечатки сентиментализма. Речь идет о «Записках адмирала А. С. Шишкова, веденных им во время путешествия из Кронштадта в Константинополь» (1777–1779), опубликованных только в 30-е гг. XIX в. Даже сам жанр «заграничных очерков» в целом характерен для сентиментального направления. «Записки...» Шишкова не несут ожидаемого антиевропеизма, напротив, проникнуты меланхоличным, печальным и часто трагичным повествованием, что в целом «накладывает на автора и на образ романтический отпечаток и сближает его с сентиментальным путешественником» [Киселева, с. 75].

«Записки...» не пронизаны ожидаемым противопоставлением «Россия – Европа», Шишков выступает в роли заинтересованного реципиента, усваивающего европейское культурное наследие. Однако в тексте «Записок...» отражены первые нападки на французов: «Мы видели также несколько новейших греческих часовен с написанными на стенах изображениями святых и не могли надивиться буйству и злочестию безбожных французов... Удивительно, до какой злобы и неистовства доводит развращение нравов» [Шишков, 1839, с. 213]. Нападки в настоящем произведении во многом психологичны и дорефлексивны, тяготеют к традиционализму [см.: Мангейм, с. 593–596] и не несут сознательного антиевропеизма: Шишков, впервые оказавшись в заграничном путешествии, столкнувшись с выпадающим за рамки традиционного российского религиозного мироощущения, инстинктивно высказал возмущение.

Дальнейший диалог связан с «консервативным поворотом» Шишкова – сознательной ориентацией на неприятие идей и ценностей Великой французской революции. Маркером служит «Ода на покорение Польши» (1793), где он противопоставляет французский революционный террор российской «тишине» и «спокойствию», находящимся под опекой твердой монаршей власти [см.: Шишков, 1831]. Французы, бежавшие из охваченной революцией страны, оседали и в Российской империи, где становились гувернерами в семьях российского дворянства, воспитывая русских подопечных часто с безразличием и пренебрежением к родному языку, вере и культуре [см.: Солодянкина, с. 12–13].

Ответом на начавшуюся французскую культурную экспансию стало обращение Шишкова к национальной культуре и традиционным ценностям, *противопоставленным* «испорченным» галломанией, просвещенным российским дворянам, инициировав тем самым языковой спор «карамзинистов» и «шишковистов». Ю. М. Лотман отмечал, что языковой спор был за национальную самобытную российскую культуру и выше – о дальнейших путях развития России [см.: Лотман, Успенский, с. 37–38]. Начавшаяся идеологическая борьба с галломанией российского дворянства и наполеоновская агрессия предопределили дальнейший характер диалога.

В 1805–1806 гг. А. С. Шишков переводит прозой XVI песнь Гомеровой «Илиады», причем он является единственным, кто переводит «Илиаду» с английского перевода А. Попа, причем не обладая достаточными знаниями английского. Причину своего поступка он объясняет тем, что в переводе на «славянорусский» (русский) язык «Илиада» не утратила бы своего великолепия, силы и звучности, в отличие от французского перевода [Гомеровой..., с. 307–308]. Это новая тенденция диалога – сознательный отказ от французского культурного посредничества. Его обращение к переводу Попа начала XVIII в. связано со сложившейся политической ситуацией и обострением отношений с Францией в 1805–1807 гг.

Интересен также «Перевод двух статей из Лагарпа с примечаниями переводчика» (1808), изданный в разгар патриотических и антифранцузских настроений в российском обществе после заключения Тильзитского мира. Имя Ф. С. Лагарпа никогда не связывалось с русским консерватизмом, ведь именно он привил Александру I либеральные и руссоистские идеалы. Как пишет сам А. С. Шишков: «Обе сие статьи перевожу я не с начала оных и не до конца, но с тех мест, которые мне наиболее для примечания моих нужны» [Перевод..., 1808, с. 1]. Подлог объективности описал уже его современник Д. В. Дашков: «...намерение его [Шишкова] было не примечания делать на Лагарповы слова, а самого Лагарпа перевести для своих примечаний» [Дашков, с. 1]. «Шишковские» комментарии сводились к попытке доказать превосходство русского языка над французским, причем иногда он прибегает к весьма комичной аргументации [см.: Перевод..., 1808, с. 294].

Весной 1812 г. Шишков назначается государственным секретарем. Он должен был находиться при императоре в качестве личного секретаря для составления манифестов, указов и бумаг. Будучи участником заграничных походов русской армии 1813–1814 гг., Шишков заводит контакты с единомышленниками европейской интеллектуальной и общественно-

политической мысли: Э. М. Арндтом, славистом П. Й. Шафариком, филологами В. Ганкою и Й. Добровским. Манифесты, написанные во время заграничного похода, пользовались популярностью в немецких землях, возбуждали народный дух и патриотизм [см.: Минаков, с. 184], способствовали началу обратного социокультурного трансфера.

В 1814 г. Шишков был отправлен в отставку с поста государственно-го секретаря. В этот период он переводит с немецкого «Краткую и справедливую повесть о пагубных Наполеона Бонапарте помыслах, о войнах его с Гишпанией и Россией, о истреблении войск его и о важности нынешней немецкой войны». Шишков указывает, что повесть издана в Дрездене в 1813 г., но сочинитель ее неизвестен [см.: Краткую..., ч. 10, с. 1]. Е. Е. Земскова отмечает, что в сочинении варьируются излюбленные идеи Э. М. Арндта, близкие Шишкову, а также имеются многочисленные текстуальные совпадения с третьей частью «Духа времени» Арндта [см.: Земскова, 2004, с. 96–97]. Оба сходились в отношениях к языку, идентичном наборе признаков «развращенного влияния через язык», писали о влиянии французского языка и философов-просветителей на «развращение нравов», конструировали идеологическое обоснование «войны за спасение Отечества» [см.: Там же, с. 96]. Здесь также имелся прямой контакт: Шишков и Арндт лично встречались в 1812 г., последний даже составил личностную характеристику Шиховца. Однако при имеющемся сходстве доктрин нельзя говорить о взаимной рецепции тех или иных взглядов.

В 1815 г. Шишков был назначен членом Государственного совета, где сразу же поднял вопрос об ужесточении цензуры. Записка о цензуре была посвящена роли цензоров в книгопечатании, которое произвело «великую перемену в способе общего воспитания или образования людей», позволив каждому распространять «дурные мысли, несущие погибель царств и народов» [Шишков, 1870, с. 43–44].

Незадолго до издания настоящей записки Шишков переводит «Басню», которая в аллегорической форме изображает и высмеивает либеральную цензурную политику, допустившую распространение идеологии Просвещения [Басня, с. 182–183]. Имеется и обращение к гармоничному прошлому: «Такие ходят вести, что будто бы назад тому лет двести, а может быть пятьсот, или еще и боле, звериный весь народ, в лесах и в поле был некогда учен, подобно людям просвещен...» [Там же, с. 181]. «Басня» имеет подзаголовок «Подражательный перевод с немецкого», но автор и оригинал неизвестны, возможно, их вовсе не было, а подзаголовок служит лишь маскировкой. Настоящие вопросы требуют дополнительных исследований. Очевидно, речь идет о либеральном цензурном уставе

1804 г., а нападки адресованы не только монарху, но и министру просвещения П. В. Завадовскому.

В 1823 г. Шишков публикует перевод «Некоторых выписок из сочинений графа Мейстера [Ж. де Местра], с примечаниями на оные». Настоящие выписки были взяты Шишковым из «Санкт-Петербургских вечеров», опубликованных де Местром в Париже. Местр, будучи сардинским послом, был знаком с членами «Беседы...» [Минаков, с. 107–108], присутствовал на чтении «Рассуждения о любви к Отечеству» [см.: Каганович, с. 222]. Переведенные выписки свидетельствуют о тесном знакомстве Шишкова с работами одного из основоположников французского консерватизма и в целом повторяют «шишковскую» языковую доктрину: «Намерение наше было показать суждение о начале языков иностранного писателя для сличения с суждениями в наших Академических Известиях» [Некоторые выписки..., с. 75]. Не исключено, что Местр, прожив длительное время в России, был знаком с лингвистическими изысканиями Шишкова, но настоящий вопрос требует дополнительного освещения.

Путь А. С. Шишкова как переводчика заканчивается в 1834 г. переводом трех статей из «Защиты христианства, или Беседы о вероисповедании» французского министра духовных дел и народного просвещения Л. Д. Фрейсину¹. Шишков видел в этих статьях близкую ему апологию христианской веры, аргументацию против «зловредного» французского влияния философов-просветителей, совершивших «страшную перемену в нравах и языке», а идеями атеизма на четверть века превративших Францию в «гнездо злочестия» [Перевод..., 1835, с. 31–33].

Близкий обоим религиозный конструкт заранее предопределял гносеологический пессимизм – несовершенство и ограниченность человеческой природы. Лишенный религиозного аспекта человеческий разум нес только ужасные и вредные последствия для социума [см.: Там же, с. 17–18]. Сходство прослеживается и в идее ужесточения цензурной политики: «...безбожный писатель хотя и кончит век свой, однако ж безбожество его еще живет, распространяется и, может быть, переведенное на разные языки, пойдет заражать чужеземные державы и потомства» [Там же, с. 41]. Однако проповеди Фрейсину были опубликованы значительно позже программных сочинений Шишкова и не могут в полной мере подтвердить наличия трансфера.

Таким образом, можно проследить метаморфозы общественно-политического поведения А. С. Шишкова. Молодой Шишков органично

¹ В предуведомлении к переводу Шишков неверно называет его М. Д. Фрейсину.

вписывается в модель просвещенного российского дворянства, усваивающего общие тенденции развития русской литературы (сентиментализма). Его причастность к русскому сентиментализму говорит об уже европеизированной модели поведения, ориентированной на европейские культурные формы. Европейские культурно-научные контакты, путешествия и восхищение западными культурами на страницах примечаний к некоторым переводам не позволяют характеризовать Шишкова как антизападника и ксенофоба. Диалог не исходил из конструкта противопоставления российской и европейской культур. До конца XVIII в. Шишков вел исключительно рецептивный диалог, принимавший разные формы прямого или опосредованного контакта, с принятием западноевропейского опыта и его адаптацией на российском поприще, несомненно, переводы итальянских и немецких пасторалей сыграли не последнюю роль в актуализации фольклора. Даже в консервативный период он пользовался всеми средствами модернизационного процесса, предполагавшего создание нового типа личности, готовой к самостоятельным решениям, уважительным отношением к себе и другим.

Консервативный поворот связан с сознательной реакцией на сложившийся социокультурный кризис из-за французской культурной экспансии. Сложно говорить о каких-либо трансферах в этот период, диалог выстраивается на обращении Шишкова к западноевропейским единомышленникам, но доктринальные положения его консервативной концепции сложились параллельно и задолго до этого. Переводы свидетельствуют лишь о его знакомстве с сочинениями адептов западноевропейского консерватизма, но сложно говорить об их трансфере, возможно лишь заявить о сходстве взглядов ввиду того, что они формировались практически параллельно.

Альтишуллер М. Г. Александр Семенович Шишков // Против течения: исторические портреты ранних консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 19–92.

Басня. Подражательный перевод с немецкого / пер. с нем. А. С. Шишкова // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1831. Ч. 14. С. 180–184.

Берков П. Н. Основные вопросы изучения русского просветительства // Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII в. М., 1961. С. 5–27.

Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель: интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII в. Екатеринбург, 2016.

Булич Н. Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. СПб., 1902. Т. 1.

Гомеровой Илиады песнь XVI / пер. с англ. А. С. Шишкова // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1825. Ч. 7. С. 307–353.

Дафнис, сочинения г. Геснера / пер. с нем. А. С. Шишкова. СПб., 1785.

Дашков Д. В. Перевод двух статей из Лагарпа с примечаниями переводчика // «Арзамас» : в 2 кн. Кн. 2: Из литературного наследия «Арзамаса». М., 1994. С. 12–13; впервые: Цветник. 1810. № 11, 12.

Детская библиотека, изданная на немецком языке г. Кампе / пер. с нем. А. С. Шишкова. СПб., 1783–1785.

Евандр и Алцимна, пастушья комедия в трех действиях, сочинение г. Геснера / пер. с нем. А. С. Шишкова. СПб., 1785.

Егерева Т. А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX в.: на примере Н. М. Карамзина, А. С. Шишкова, С. Н. Глинки и Ф. В. Ростопчина. М., 2011.

Земскова Е. Е. О роли языка в построении национальной утопии: «онемечивание» Кампе и «корнесловие» Шишкова // Философский век. Российская утопия: от идеального государства к совершенному обществу. М., 2000. Вып. 12. С. 86–98.

Земскова Е. Е. Русский патриотизм в немецком переводе: А. С. Шишков в воспоминаниях Э. М. Арндта // Русская антропологическая школа. М., 2004. С. 89–98.

Каганович Б. С. А. Н. Шебунин // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 206–229.

Киселева Л. Н. Русский «архаист» в Европе // «Свое» и «чужое» в литературе и культуре: Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. Тарту, 1995. Т. 4. С. 66–86.

Краткую и справедливую повесть о пагубных Наполеона Бонапарте помыслах, о войнах его с Гишпанией и Россией, о истреблении войск его и о важности нынешней немецкой войны / пер. с нем. А. С. Шишкова // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1827. Ч. 10. С. 157–290.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры. Тарту, 1975.

Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.

Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011.

Некоторые выписки из сочинений графа Мейстера [Ж. де Местра], с примечаниями на оные / пер. с фр. А. С. Шишкова // Собрание сочинений и переводов А. С. Шишкова. СПб., 1823. Ч. 11. С. 46–76.

Перевод двух поименованных в предуведомлении речей. О неверующих вольнодумцах. О книгах, противоборствующих вероисповеданию. О бессмертии души / пер. с фр. А. С. Шишкова // Краткие записки Российской Академии. 1835. Ч. 3. С. 31–110.

Перевод двух статей из Лагарпа, с примечаниями переводчика / пер. с фр. А. С. Шишкова. СПб., 1808.

Перевод из Pastor fido [Т. Тассо] / пер. с итал. А. С. Шишкова // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1831. Ч. 14. С. 208–209.

Полежаева Т. В. «Сей старец дорог нам...» : к вопросу о политическом поведении А. С. Шишкова // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 3. С. 116–122 (Сер. История).

Полежаева Т. В. Язык как фактор национального единства: (на материале полемики архаистов и карамзинистов начала первой четверти XIX в.) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 3. С. 96–100 (Сер. История).

Полежаева Т. В. Религиозные основания консервативной концепции А. С. Шишкова : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2016.

Солодянкина Ю. А. Феномен иностранного гувернерства в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) // Отеч. история. 2008. № 4. С. 9–23.

Старое и новое время: стихотворение / пер. с фр. А. С. Шишкова // Собреседник любителей русского слова. 1784. Ч. 13. С. 42–43.

Шишков А. С. Записки, веденные во время путешествия из Кронштадта в Константинополь // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1839. Ч. 17. С. 190–308.

Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 2.

Шишков А. С. Ода на покорение Польши // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1831. Ч. 14. С. 143–154.

УДК 94(44).029:327

С. М. Рябов

ШАРЛЬ ДЕ ДАНЗЕЙ: ДИПЛОМАТ-ГУГЕНОТ НА СЛУЖБЕ ФРАНЦУЗСКОГО КАТОЛИЧЕСКОГО ДВОРА

В статье рассматривается биография французского дипломата-резидента Шарля де Данзея, который прослужил при датском дворе более 40 лет. Став не просто резидентом при датском королевском дворе, а «резидентом для всей Балтии», он оставил заметный след в выстраивании политики Франции в данном регионе, явился замечательным примером беспрекословной службы короне. Феномен Шарля де Данзея заключается в том, что, будучи искренним гугенотом, он верой и правдой служил французскому католическому дому Валуа, хотя при этом находился при датском короле-гугеноте. В статье приводится немногочисленная историография по Шарлю де Данзею, причем за основу берется личная переписка дипломата-резидента с французским двором, опубликованная в Стокгольме. На фоне сохранившихся документов дается широкая характеристика его действий, акций, мыслей и проектов. Отдельно рассматривается вопрос о взаимодействии Шарля де Данзея с гугенотским лагерем, а также о его действиях в выстраивании русско-французского диалога во второй половине XVI в.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дипломатия, Россия, Франция, Дания, торговля, Северный путь, Валуа, гугеноты.